

А. С. Пушкин, Л.И. Поливанов

Сочинения

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П91

П91 **Пушкин А.С.**
Сочинения: Том 5 / А. С. Пушкин, Л.И. Поливанов – М.: Книга по Требованию,
2020. – 632 с.

ISBN 978-5-517-99336-6

ISBN 978-5-517-99336-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1.

О с л о г ѣ.

(1822).

Въ этомъ отрывкѣ, написанномъ въ черновой тетради 1822 г., Пушкинъ признаетъ однимъ изъ главныхъ требованій отъ слога—простоту его—качество, положенное имъ въ основу слога собственныхъ произведеній.

Пушкинъ цѣнилъ всякое проявленіе этой простоты, у кого бы ни находилъ ее, хотя бы у Боброва¹⁾. Ссылаясь на его „Тавриду“ въ письмѣ къ кн. Вяземскому, въ ноябрѣ 1823 г., онъ пишетъ: „Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе“. Изъ этого видно, какъ строго былъ Пушкинъ даже къ самому себѣ въ этомъ отношеніи. (Почти то же высказывалъ онъ и въ письмѣ къ Гнѣдичу 27 іюня 1822 г. по поводу вреднаго вліянія французской поэзіи „робкой и жеманной“). Въ бѣглыхъ замѣткахъ къ друзьямъ объ ихъ сочиненіяхъ онъ также не упускаетъ случая обличить всякую натяжку: „Вся мужнина рѣчь“, писалъ онъ въ февралѣ 1825 г. кн. Вяземскому по поводу его стихотворенія „Чистосердечный отвѣтъ“ въ Сѣв. Цвѣтахъ: „до: „за громомъ ревность мучить“—раставута и натянута“. Недостатокъ простоты слога Пушкинъ высмѣивалъ, пародируя изысканныя выраженія писателей. Нѣсколько примѣровъ встрѣчаемъ въ замѣткѣ „О слогѣ“. Вотъ еще примѣръ изъ письма его къ брату Льву въ декабрѣ 1824: „Не забудь (прислать) и—говори по-Делмевски—витую сталь, провзающую главу бутылки, т. е. штопоръ“.

Простота слога, какъ видно изъ замѣтки „О слогѣ“, не исключаетъ, по мнѣнію Пушкина, „цвѣтущаго“ слога: но онъ разумѣлъ подъ этимъ вѣчто противоположное слогу писателей старой школы, видѣвшихъ это свойство въ „вылыхъ метафорахъ“. Въ поэтическомъ слогѣ цѣнилъ Пушкинъ то, чтó называлъ „размашкою слога“. Такъ въ письмѣ отъ 25 мая 1825 г. къ кн. Вяземскому онъ отдаетъ слогу Рылѣева предпочтеніе передъ слогомъ Козлова, имѣя въ виду эту живость его: „Эта поэма (Чернецъ), конечно, полна чувства и умѣе „Войнаровскаго“²⁾, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замысли или размашки въ слогѣ“. Но достаточно было замѣтить ему риторичность—и произведеніе болѣе не заслуживало его похвалы. Такъ, въ томъ же письмѣ, „Думы“ Рылѣева вызываютъ такой отзывъ: „Зато „Думы“—дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго

¹⁾ Серг. Ссм. Бобровъ — авторъ лирической поэмы „Таврида, или Мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсо-

несѣ“ (СПб. 1804), которую ниже и имѣетъ въ виду Пушкинъ.

²⁾ См. Соч. П., т. II, стр. 150.

dum, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда³⁾. Что касается слога Д. Давыдова, то по свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго⁴⁾, самъ Пушкинъ высказывалъ, что въ молодости старался подражать ему въ „крученіи стиха“, но это подражаніе не оставило слѣдовъ на произведеніяхъ Пушкина, свободныхъ отъ всякой искусственности. „Цвѣтущій“ слогъ и „блескъ“ его Пушкинъ, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки о слогахъ, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ ставилъ въ неразрывную связь съ содержаніемъ. То же читаемъ въ его статьѣ „Вольтеръ“ (см. ее ниже, 1836), гдѣ по поводу стихотворенія Вольтера къ сосѣду при послыжѣ ему розановъ, Пушкинъ замѣчаетъ: „Признаемся въ гогосо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера—напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его—несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей“.

Въ противоположность указанному въ замѣткѣ пристрастію къ избитымъ изысканнымъ длиннотамъ слога, Пушкинъ высказываетъ требованіе новизны, свѣжести въ выборѣ выраженій, если писатель отступаетъ отъ совершенной простоты слога. Первыми достоинствами прозы Пушкинъ полагаетъ точность, опрятность слога. Какъ онъ самъ былъ строгъ въ точности даже поэтическаго языка своего, можно видѣть въ его письмахъ многократно. Такъ, желая похвалить стихи Плетнева, онъ указываетъ „поэтическую точность“ выраженій. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаетъ Пушкинъ успѣхъ Дельвига въ этомъ отношеніи: „Дельвигъ!.. поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя недоставало“. Какъ Пушкинъ задумывался надъ точнымъ значеніемъ cadaго слова, свидѣтельствуя, напр., слѣдующія строки его писемъ къ кн. Вяземскому: „Подъ влажной буркой“. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности“. „На берегу завѣтныхъ водъ“. Кубань—граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ пересѣзжать обонполь. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы“ (14 окт. 1823). Такъ защищалъ Пушкинъ каждое слово свое отъ чужихъ нападений. Еще примѣръ въ письмѣ къ кн. Вяземскому же: „Отвѣчаю на твою критику (по поводу письма Татьяны, см. т. IV, стр. 213): Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ, все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если впрочемъ смнслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истинны въ письмѣ (Татьяны). Письмо женщины, къ тому же 17-лѣтней, къ тому же влюбленной!“ (29 ноября 1824). Критикуя стихи самого кн. Вяземскаго, онъ не пропускаетъ замѣтить: „Еще мучительнѣй вдвойнѣ“ — едва ли не плеовазмъ“ (въ февр. 1825); въ другомъ его стих. („Водопадъ“) Пушкинъ не допускаетъ эпитета молніи — „властительница небеснаго огня“. „Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги“, замѣчаетъ Пушкинъ, „какъ молнія — сама огонь. Перемѣняйтъ какъ-нибудь“... „Но ты, питомецъ тайной

³⁾ „Что сказать тебѣ о „Думахъ“? писалъ Пушкинъ Рылѣеву въ апрѣлѣ 1825 г. „Во всякъ встрѣчаются стихи живые... но вообще всѣ онѣ слабы изображеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на

одишъ покррой, составлены изъ общихъ мѣстъ (à ci topici)“.

⁴⁾ „Пушк. по док. П. Остафьевскаго арх.“ II, 71.

бури". Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ ли? „Тайной“, о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится; о бурѣ физической — также 5). „Игралище глухой войны“ — не совсѣмъ точно 6). „Ты не зеркало...“ — впрочемъ это придирка и пр. Не яснѣе ли, и не живѣе ли: „ты не пріемлешь ихъ лазури“ etc. Точность требовала бы: „не отражаешь“. Но твое повтореніе тамъ тутъ нужно 7). „Подъ грознымъ знаменемъ“ etc. „Хранишь“ etc. Но вся строфа сбивчива. „Зародышъ непогоды“ о водопадѣ — темно 8). „Вѣчно бьющій огонь“ — тройная метафора 9). Не вычеркнуть ли всю строфу? „Ворвавшись“ — чудно хорошо. „Какъ средь пустыни“ etc.: не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманіе; да и сравненіе не точно. „Вихорь“ и „пустыню“ уничтожь-ка. Посмотри, что выйдетъ изъ того 10). „Какъ ты, внезапно разгорится“ — вотъ видишь ли? Ты сказалъ объ водопадѣ „огненнымъ“ метафорически, т. е. блистающій какъ огонь, а здѣсь ужъ переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень... Итакъ не лучше ли: „Какъ ты, *пустынню* разразится etc. А? или что другое, но *разорится* слишкомъ натянуто 11)... „Я созвалъ *нежданыхъ* гостей“ — прелесть. Не лучше ли *незваныхъ*? Нѣтъ, cela vaait de l'esprit. — Очень довольный „Марей Посадницей“ Погодина 12) со стороны содержанія, Пушкинъ прибавляетъ: „Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете, какъ Іованъ съ Новымъ городомъ“ (пис. къ Погодину въ дек. 1830). Съ другой стороны Пушкинъ отнюдь не стоялъ за ту „правильность“ поэтического языка, которая обезличиваетъ языкъ. Вотъ напр. его отзывъ о стихотвореніяхъ одного изъ лиценстовъ 1829 года, Деларю: „Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лиценста. Въ немъ не вижу я никакого творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется“ (пис. Плетневу въ апр. 1831) 13). Въ той же чопорности упрекаетъ Пушкинъ Н. И. Панаева (см. ниже № 19, вын.).

Въ замѣткѣ своей о слога Пушкинъ касается легкой прозы (преимущественно описательной и повѣствовательной) и языка поэтического. Что касается отвлеченнаго языка прозы философской, то его мнѣніе объ этомъ узнаемъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (13 июня 1825): „Когда-нибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей)“.

Напеч. впервые въ Р. С. 1884. V. 329.

5) Въ печатномъ текстѣ „Водопада“ кн. Вяземскаго: „Но ты, созданье тайно бури“.

6) Стихъ этотъ не былъ измѣненъ кн. Вяземскимъ.

7) Стихъ: „Ты не зеркало ихъ лазури“ оставленъ безъ измѣненія.

8) По исправленіи, строфа получила такой видъ:

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ,
Въ залогъ вѣчной непогоды
Ты битія пріялъ залогъ.

9) Эта метафора исключена кн. Вяземскимъ.

10) Строфа получила такой видъ:
Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный,

Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святаялицѣ души.

11) По исправленіи:

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, растетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,
И поглощается въ себя.

12) См. ниже разборъ ея.

13) Сюда должно отнести и слѣдующіи стихи XXVIII строфы III главы Овѣйна, конечно серьезное основаніе ихъ, скрытое подъ покровомъ шутки:
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю.

Д'Аламберъ ¹⁴⁾ сказалъ однажды Лагарпу ¹⁵⁾: „Не выхваляйте мнѣ Бюффона ¹⁶⁾. Этотъ человѣкъ пишетъ: „благороднѣйшее изъ всѣхъ (пріобрѣтений?) человѣка было сіе животное гордое, пыльное“ и проч. Зачѣмъ просто не сказать: „лошадь“? ¹⁷⁾. Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа, но Д'Аламберъ очень умный человѣкъ и, признаюсь, и почти согласенъ съ его мнѣніемъ. Замѣчу мимоходомъ, что дѣло шло о Бюффонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его, цвѣтушій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы... Но что сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу домыслами и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: „сіе священное чувство, коего благородный шаманъ“ и пр. Должно бы сказать: рано поутру, а они пишутъ: „едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба“. Какъ это все ново и свѣжо! развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?

Читаю отчетъ новаго любителя театра: „Сія юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Апол....“ Боже мой! а поставь: „эта молодая хорошая актриса, и продолжай (такъ же?)“ ¹⁸⁾, — будь увѣренъ, что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоицъ, коего неуспяная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры русскаго Парнаса, коего утомительная тупость (или глупость) можетъ только сравниться съ неутоимой злостію... Боже мой! зачѣмъ просто не сказать лошадь, не короче ли?

Вольтеръ можетъ похвастаться прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога. Онъ осмѣялъ въ своемъ... изысканность выраженій Фонтенеля ¹⁹⁾, который никогда не могъ ему того простить“ ²⁰⁾ *).

Точность, опрятность — вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи — дѣло другое (впрочемъ въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется).

*) Кстати о слогѣ: должно ли въ семъ случаѣ сказать: „не могъ ему“ и пр. или („не могъ ему простить справедливыхъ насмѣшекъ“) Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола *могъ*, управляемаго частицею *не*, но отъ неопредѣленнаго поклоненія *простить*, требующаго внимательнаго падежа ¹⁹⁾. Впрочемъ Н. М. (Карамзинъ) пишетъ иначе. (*Выписка Пушкина*).

* простить его справедливыя насмѣшки (*первонач., зачеркнуто*).

¹⁴⁾ Д'Аламберъ—см. т. I, № 1, вын. 1.

¹⁵⁾ Лагарпъ—id. № 4, вын. 17.

¹⁶⁾ Ж. Л. Лекеркъ гр. де Бюффонъ (1707—1788) — знаменитый фр. естествоиспытатель и писатель, авторъ „Естественной исторіи“ (1749—1767). Въ 15 томахъ этого труда находятся: Теорія земли, Общія размышленія о животныхъ, Исторія человѣка, Исторія домашнихъ животныхъ, Исторія птицъ,

Исторія минераловъ, Эпохи природы.

¹⁷⁾ Ср. ниже замѣчаніе о словахъ „дюмость“ и „жорова“ (въ Замѣткѣ № 14).

¹⁸⁾ О Фонтенелѣ см. „Избр. соч. Карамзина“, I, 79.

¹⁹⁾ Пушкинъ не разъ возвращается къ этому синтаксическому вопросу. См. замѣтку его о своемъ стихѣ: „Два вѣка ссорить не хочу“ въ „Критическихъ замѣткахъ“ 1830—1831 г. (ниже № 36).

Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣтъ: Карамзина ²⁰). Это еще похвала небольшая, Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен... ²¹).

2.

Письмо къ издателю „Сына Отечества“.

(1824).

Вмѣсто предисловія къ 1-му изд. „Бахчисарайскаго Фонтана“ былъ помѣщенъ прозаическій „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевского острова“ вн. Вяземскаго. (Выдержки изъ этого разговора см. т. II, стр. 97).

Въ письмѣ своемъ къ кн. Вяземскому изъ Одессы отъ 8 марта 1824 г. Пушкинъ писалъ: „Куда съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія“, а въ слѣдующемъ письмѣ (въ мартѣ же или апрѣлѣ) сообщаетъ уже свое впечатлѣніе отъ „Разговора“: „Не знаю, какъ тебя и благодарить. Разговоръ—предѣлъ: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ... Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи къ романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ, что Динтріевъ ¹⁾, несмотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дада Вас. Льв. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность...? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія

²⁰) Въ письмахъ своихъ Пушкинъ выражаетъ одобреніе также прозѣ кн. Вяземскаго. (См. ниже о „блистательномъ образѣ выраженія мыслей въ „Разговорѣ“ издателя съ классикомъ“ и въ „Мелкихъ замѣткахъ 1829—1831 №42). Тамъ въ письмѣ къ нему отъ 13 іюля 1825 г. онъ пишетъ: „Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса (Давыдова) на замѣчанія Наполеона (т. е. статью кн. Вяземскаго „О разборѣ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона“ въ № 12 „Моск. Телегр.“. Чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы“. Послѣднія слова относятся къ слѣдующему мѣсту статьи кн. Вяз.: „Если въ оборотахъ рѣчей найдутся (у Д. Давыдова) галлицизмы, то по крайней мѣрѣ сбавля, очинившая перо нашего военнаго писателя, чужда сего упора и должна обезоружить строгость Аристарховъ, которые готовы записывать нашъ языкъ отъ чужеземнаго язычества съ такимъ же упорствомъ и энтузіазмомъ, съ какимы наши воины обороняли отъ него нашу землю. Усердіе похвальное! Пусть чистота нашего языка будетъ равно священна, какъ и неприкосновенность нашихъ границъ; но позвольте спросить:

развѣ и завоеванія наши почитать за нарушение этой драгоценной чистоты? Не забудемъ, что языкъ политическій, языкъ военный — скажу наотрѣзъ — языкъ мысли вообще, мало и непониманъ у насъ обработанъ. Хорошо не затѣвывать новизны тѣмъ, коимъ не затѣмъ выходить изъ коленъ и выпускать вѣдь уми домовитый и ручной; но повторяю: новые набѣги въ область мыслей требуютъ часто и новаго порядка. Отъ пихъ книжный синтаксисъ, условная логика частнаго языка могутъ пострадать, но есть синтаксисъ, но есть логика общаго ума, которые, не во гнѣвъ ученымъ будь сказано, также существуютъ“.

Пушкинъ раздѣлялъ эти мнѣнія кн. Вяземскаго. Они выражены имъ еще рѣшительнѣе въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Бестужеву (30 ноября 1825 г.). Онъ былъ, какъ и кн. Вяземскій, воспитанъ позорными Арамаиса.

Изъ русскихъ поэтовъ Пушкинъ, крокъ Жуковскаго, наиболѣе цѣнилъ слогъ Языкова и Баратынскаго (пис. 9 ноября 1826 кн. Вяземскому и 20 іюля 1826 бар. Дельвигу).

²¹) Замѣтка на этомъ прерывается. Въ рукописи она не имѣетъ заглавія.

¹) т. е. Ив. Ив. Динтріевъ.

или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Севериной²⁾, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара? Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія; на Благонамѣренный сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзии? Гдѣ столбы классической? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ“.

Между тѣмъ въ „Вѣстникѣ Европы“ появился „Второй разговоръ между издателемъ и читателемъ“ Мих. А. Дмитріева (В. Е. 1824, № 5); ~~въ~~ ^{въ} ~~Второго~~ въ своемъ „Письмѣ къ издателю“ Пушкинъ и дѣлаетъ выписку. Такимъ образомъ завязался въ московской журналистикѣ споръ о классицизмѣ и романтизмѣ.

Кн. Вяземскій отвѣчалъ статью „О литературныхъ мистификаціяхъ“ въ Дамскомъ Журналѣ 1824, № 7. Дмитріевъ въ В. Е., № 7 помѣстилъ „Отвѣтъ на статью о литературныхъ мистификаціяхъ“. Кн. Вяземскій разобралъ „Второй разговоръ“ (Д. Ж., № 8). Дмитріевъ возражалъ снова (В. Е., № 8) и вызвалъ „Мое послѣднее слово“ кн. Вяземскаго (Д. Ж., № 9).

„Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ“, замѣчаетъ г. Анненковъ (Мат. 103), „занесенъ къ намъ былъ изъ Франціи и, кажется, потерялъ на пути свою серьезную и ученую сторону. Извѣстно, что первое основаніе для послѣдующихъ преній положили нѣмцы еще въ прошломъ столѣтіи сравнительной критикой различныхъ литературъ: древнихъ, восточныхъ и старо-европейскихъ. Критика эта уже очистила путь двумъ самостоятельнымъ поэтамъ Германіи — Шиллеру и Гёте; но въ другихъ странахъ, невольнѣй передавая и оцѣненная, породила ту литературу *поддѣлокъ*, которая еще недавно казалась высшей степенью искусства. Къ намъ перешли только одни опредѣленія романтизма изъ вторыхъ рукъ, изъ Франціи, а первоначальная работа науки, которая одна и могла объяснить сущность самого дѣла, — была пренебрежена. Отсюда тотъ недостатокъ почвы, дѣльная содержанія, какіе чувствуются у насъ въ большей части статей этой эпохи по предмету, раздѣлившему литературу на двѣ враждебныя партіи. Всего чаще, напримѣръ, вопросъ о романтизмѣ представляется критикамъ чѣмъ-то въ родѣ любопытной новости, почти какъ извѣстіе о неожиданномъ случаѣ, и такъ ими и обсуживается. Произвольное пониманіе его, смотря по случайностямъ личныхъ впечатлѣній каждаго автора или критика, было уже въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ нынѣ объясняли его своеправіемъ мысли, скупающей положительными законами искусства, а сущность его опредѣляли смѣсью *мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разскази съ неподвижностью дѣйствій, пылкости страстей съ холодною характеромъ* (Вѣстн. Евр. 1824, № 4). Другіе отстаивали право генія и таланта творить на-перекоръ теоріямъ, и поясняли направленіе тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, „*въ которомъ человекъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не можетъ, не смѣетъ дать отчета самому себѣ въ своихъ чувствахъ*“, и прибавляли: „*въ неопредѣленномъ, неизяснимомъ состояніи сердца человеческого заключена и тайна и причина такъ называемой романтической поэзіи*“ (Моск. Телегр. 1825, № 5). Иные еще полагали истинное содержаніе романтизма въ мѣстныхъ краскахъ и народности, о которой однако никто особенно не распространялся, по неимѣнію яснаго понятія о самомъ словѣ. Мы могли бы представить еще болѣе выписокъ для подтвержденія нашего мнѣнія, но ограничиваемся тѣми, которыя приведены здѣсь. Текущія явленія словесности, требованія немедленной оцѣнки, еще болѣе затемняли дѣло. Были у насъ романтики, восхитившіеся эпопеями Хераскова и его подражателей, составившіе особый отдѣлъ классическихъ романтиковъ, представителемъ которыхъ сдѣ-

²⁾ Матери Дм. Петр. Северина (род. | 1792), русскаго дипломата.

лся журналъ вѣ. В. Одоевскаго: „Мнемозина“, и были такіе романтики, которые упрекали В. А. Жуковскаго за склонность его къ повѣрьямъ, за мечтательность, неопредѣленность и туманность его поэзіи. Пушкинъ весьма остроумно и колко сравнивалъ послѣднихъ съ ребенкомъ, кусающимъ грудь своей кормилицы потому только, что у него зубки прорѣзались. Онъ самъ не могъ избавиться отъ прихотливыхъ толкованій собственныхъ друзей, и принужденъ былъ объяснять смыслъ своихъ стихотвореній обычнымъ своимъ поклонникамъ, приходившимъ въ тупикъ отъ неожиданности какъ содержанія, такъ и приемовъ ихъ.

„Любопытно знать, въ какомъ отношеніи состоялъ Пушкинъ къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ, и какъ понималъ литературный споръ въ глубинѣ собственной мысли. Никто тогда еще и не подозревалъ, что его произведенія вскорѣ сдѣлаютъ споръ этотъ анахронизмомъ, и замѣнятъ оба понятія, соединенныя съ именами классицизма и романтизма, новымъ и гораздо высшимъ понятіемъ творчества и художественности, отыскивающихъ законы для себя, въ самихъ себѣ. Онъ понималъ сущность дѣла весьма просто, полагая разницу между обоими родами произведеній только въ *формѣ* и въ говорѣ, что если различать ихъ по *духу*, то нельзя будетъ выпутаться изъ противорѣчій и насильственныхъ толкованій. Вотъ что писалъ онъ для самого себя о вопросѣ, занимавшемъ тогда литературу напу: „Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые, обыкновенно относя къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеализма или основаннымъ на предрасудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, конхъ *формы* извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или конхъ образцы они намъ оставили. Если же, вмѣсто формы стихотворенія, будемъ брать за основаніе только *духъ*, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ конечно отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, Освобожденный Іерусалимъ отъ Энеиды — всѣ они однакожъ принадлежать къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ конхъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими“.

„Это простое, не хитрое опредѣленіе“, продолжаетъ Анненковъ, „обнаруживаетъ вообще малую способность Пушкина къ теоретическимъ тонкостямъ, что доказалъ онъ многими примѣрами и вполнѣдствіи. Чрезвычайно мѣткій въ оцѣнкѣ всякаго произведенія, даже и своего собственнаго, онъ былъ чуждъ по природѣ той тяжелой работы мысли, какую требуетъ отвѣтственная теорія искусства. Часто не хотѣлъ онъ доискиваться значенія идеи, вѣрность которой только чувствовалъ, и отрывочно бросалъ ее на бумагу въ своихъ тетрадяхъ. И вотъ примѣръ:

„Пушкина называли романтикомъ, и онъ самъ себя называлъ романтикомъ, но подъ этимъ словомъ въ умѣ его таилось совсѣмъ другое пониманіе. Такъ, онъ постоянно употребляетъ въ письмахъ къ друзьямъ выраженіе: *романтическое произведеніе*, но видимо соединяетъ съ нимъ значеніе творческаго созданія, не принадлежащаго къ какой-либо системѣ или одностороннему воззрѣнію. Другого выраженія для истинной своей мысли онъ не находилъ, да, вѣроятно, и не искалъ. Всѣмъ извѣстное и принятое слово обозначило у него понятіе, о которомъ еще немногіе тогда думали... Такъ, онъ безпрестанно

писать: „Я хотѣлъ бы написать что-нибудь истинно *романтическое*“. Въ другой разъ онъ говоритъ: „Важная вещь! я написалъ трагедію и очень ею доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать—робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго *романтизма*“³⁾... Свободо и ни читалъ о романтизмѣ—все не то“. За этими простыми замѣтками можно различить мысль о художественномъ произведеніи; но онъ никогда не разбираетъ ея, предоставляя выразить вполне только своимъ созданіемъ. Дѣйствительно, они ясно указали законы, на которыхъ должна основываться истинная теорія искусства, и сдѣлали изъ Пушкина настоящаго учителя изящнаго и воспитателя эстетическаго вкуса въ обществѣ“.

Пушкинъ въ спорѣ между кн. Вяземскимъ и М. Дмитріевымъ не участвовалъ. Онъ ограничился своимъ „Письмомъ къ издателю „Сына Отечества“ и только для того, чтобы очистить кн. Вяземскаго отъ упрека въ томъ, что онъ будто бы своимъ „Разговоромъ“ оказалъ Пушкину медвѣжьью услугу, о которой „самъ авторъ пожалѣлъ“.

Пушкинъ заклеилъ уже позднѣе редактора Вѣстника Европы своей эпиграммою: „Живъ, живъ курлыкъ журналистъ“ (см. т. I, № 112, стр. 216). Посылая эту эпиграмму въ письмѣ къ брату Льву въ началѣ апрѣля 1825 г., онъ выразилъ желаніе ознакомиться со всѣмъ споромъ: „Пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ Второй разговоръ лже-Дмитріева (такъ называется онъ М. А. Дмитріева въ отличіе отъ Ив. Ив.); это мнѣ нужно для предисловія къ Бахч. Фонтаву. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ“ (Вѣстникъ и Дамскій Журналъ). „Мнѣ грустно, мой милый“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому 29 іюня, не встрѣчая болѣе статей его, „что ты ничего не пишешь. Кто жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался съ полукокойникомъ Гѣте, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобы ихъ сравнить, подразнить, или окатить холодной водой. Въѣтъ полемикъ миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призвавъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но болѣе не буду“.

Пушкинъ касается романтизма и классицизма въ своихъ замѣткахъ 1825 г. (См. ниже № 10 и 11). Въ перепискѣ своей касаясь французскихъ новѣйшихъ писателей, Пушкинъ не находилъ у нихъ достаточной свободы отъ лжеклассицизма и предсказывалъ во Франціи появленіе поэта, который „ударится въ такую свободу—что твои вѣмцы“ (4 ноября 1823 пис. къ кн. Вяз.). Тѣмъ, что писалось у насъ о романтизмѣ Пушкинъ не былъ доволенъ: „Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ“ (пис. къ А. Бестужеву 30 ноября 1825).

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальных замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издала отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъясненію снисходительности и дружелюбія.

³⁾ О названіи „Бориса Годунова“ трагедіи *романтической* см. т. III, стр. 8.

3. о причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности (1824). 13

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Кн. П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе „Бахчисарайскаго Фонтана“, присоединилъ къ оному „Разговоръ между издателемъ и антиромантикомъ“ ⁴⁾ — разговоръ, вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходятся съ классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между издателемъ и классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ и слѣдующее:

„Изд. Итакъ разговоръ мой вамъ не нравится?— К л а с с. Признаюсь, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина; думаю, и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ“.

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевского острова“ писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ сожалѣніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика.

Одесса.

Александръ Пушкинъ.

3.

О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности.

(1824).

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому (въ мартѣ или апрѣлѣ 1824 г.). Пушкинъ писалъ между прочимъ: „Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю надѣясь написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну“.

Слѣдующій за симъ отрывокъ и есть начало этой статьи, задуманной Пушкинымъ, но не оконченной и не озаглавленной самимъ авторомъ.

Напеч. впервые въ изд. Анненкова. Исправленія въ изд. О. д. п. н. л. и у. V, 19.

Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ

⁴⁾ Замѣна здѣсь слова „классикъ“ словомъ „антиромантикъ“ понятна, если принять во вниманіе, что Пушкинъ, подовольный дѣлѣмъ поэзіи на „классическую и романтическую“ и видѣвшій хорошо всю запутанность такого дѣла-

нія, далъ этимъ понять, что не доволенъ примѣненіемъ этой терминологіи къ русской литературѣ, какъ онъ далъ понять это въ вышеприведенномъ письмѣ своемъ къ кн. Вяземскому.

наши знанія, всё наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ ¹⁾. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками, но ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣньность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, несмотря на неправильность языка и неровность слога, исполнены порывами генія, что въ „Душенькѣ“ Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена, что Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для итальянцевъ, что Жуковскаго перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ...

4.

О вдохновеніи и восторгѣ.

(1824).

Въ „Мнемозинѣ“ 1824 г. явилась статья „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе“. Сочинитель ея принадлежалъ къ „романтикамъ“ и осуждалъ элегіи вообще и элегіи Пушкина въ особенности, какъ мелочной родъ поэзіи, не выдерживающій сравненія съ пареніемъ оды. Мѣрилomъ художническаго достоинства обоихъ родовъ онъ принялъ—восторгъ и пришелъ къ заключенію, что въ одѣ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ элегіи.

Этими мыслями и вызвана замѣтка Пушкина о вдохновеніи и восторгѣ. Изъ рукописи она не имѣла заглавія.

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ“ Анненкова (1855).

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе пусто въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Вольтеръ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго ²⁾. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира—всѣ болѣе ея требуютъ творчества, *fantaisie*, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ! Единный планъ Дантова „Ада“ есть уже плодъ

¹⁾ См. выше, стр. 7.

²⁾ Ср. стихъ: „Прекрасное должно

быть величаво“.